

Адрес статьи: primerussia.ru/%E2%84%96-2-11/versiya-windows

В 1861 году живописец Одоардо Боррани, скромный певец флорентийских террас и студий, написал картину, которая называлась, как дата - "26 апреля 1859 года". Молодая женщина шьет, сидя у открытого окна, за ее спиной в углу комнаты стоит алебарда, перевязанная тремя цветными ленточками, складывающимися в подобие итальянского флага. Перед ней на столе ткани тех же цветов - красный, белый, зеленый. Из окна видны черепица дома напротив и немного неба. За разъяснениями дальнейших обстоятельств того дня следует обратиться к флорентийской истории.

Великий герцог тосканский Леопольд II был одним из наиболее либеральных правителей того времени - с самым началом революции 1848 года он даровал Тоскане конституцию и некоторую свободу печати, публично ратовал за независимость, предоставлял политическое убежище беженцам и даже умудрялся отправлять отряды на войну с Австрией, состоя при этом в родственных связях с австрийской императорской семьей. Тем не менее когда в феврале 1849 года во Флоренции была провозглашена республика и создано временное правительство, Леопольд как формальный самодержец был вынужден покинуть Тоскану, впрочем, ненадолго - в апреле того же года он, при помощи все тех же австрийских войск, а также заручившись поддержкой населения (во Флоренции его очень любили) триумфально возвратил себе тосканский трон. В течение десяти лет он сохранял титул, балансируя между вскипающими национальными интересами и личными обязательствами перед Австрией - до тех пор, пока в апреле 1859 года в Тоскане не началась очередная квази-революция - добровольцы (среди которых, кстати, оказался и интересующий нас живописец Боррани) бросились помогать Пьемонту и Франции в их борьбе против Австрии. Поскольку Леопольд II продолжал сохранять нейтралитет, то 27 апреля (ровно на следующий день после событий, изображенных на картине) он, будучи по характеру человеком мирным, был столь же элегантно свергнут и вместе с семьей отбыл из Флоренции в Болонью, где 21 июля 1859 года и подписал отречение от трона - на сей раз окончательно. В историю он вошел как политик столь же приятный, сколь и, пользуясь словом Лескова, безнатурный.

Все эти исторические перипетии вполне объясняют наличие на картине алебарды, флага и повстанческой женщины. Однако я простоял перед ней битых пять минут вовсе не из-за событийной подоплеку полуторавековой давности. Собственно говоря, я увидел этот крохотный холст Боррано случайно - во флорентийском палаццо Питти в галерее современных художников. Меня поразило запечатленное окно и лившиеся в него свет, воздух и смысл. Дело в том, что я тоже приехал во Флоренцию буквально для того, чтобы посмотреть в окно. Что самое удивительное - интересовавший меня проем находился на другой стороне улицы от дворца Питти.

26 апреля 1859 года во Флоренции другая женщина точно так же сидела у окна и водила иглой. Алебарды, впрочем, у нее не было, да и шила она едва ли все-таки флаг. Это была бледная англичанка с большими глазами и ниспадающими, как портьеры, тяжелыми локонами, страдавшая, по разным источникам, от нервов, болезни спинного мозга и (или?) туберкулеза. Она писала стихи и сама была замужем за поэтом. Ее муж, Роберт Браунинг, уже тогда считался великим английским стихотворцем, поэтому нет ничего удивительного в том, что внутри дома, где они жили, висит его мемориальная доска. Куда удивительнее, что у его жены таких доски

две: одна прямо над дверями, другая с левой стороны, если стоять лицом ко входу. Всею виной поэма, которую она сочинила в этом доме в 1851 году, за восемь лет до того, как Одоардо Боррани написал свою картину. Поэма звалась "Окна дома Гвиди" и в ней были на протяжении двух тысяч строк описаны революционные события Рисорджименто (итальянская тема вообще была популярна у викторианских поэтов). Но это был взгляд свыше, а именно - из окна. Со второго этажа она подсматривала и подслушивала, как ликовала на площади зелено-бело-краснознаменная толпа, как маршировала потом по городу австрийская армия и как причастный тайнам плакал ребенок. В Британии поэму приняли достаточно холодно, зато флорентийцы вспыхнули к создательнице невероятным пиететом, и в городе, который и так весь состоит из знаков благодарности небесам, словно бы стало одной заступницей больше, пусть и сугубо мирского свойства. Заступницу звали Элизабет Барретт, и в то самое время она многими почиталась за первого поэта Англии.

Найти этот дом - постройку эпохи кватроченто - очень просто: это прямо напротив палаццо Питти. Нужно перейти Понте Веккио, прошагать несколько минут по Виа Маджио до маленькой площади Сан Феличе с одноименной церковью и обелиском работы Джузеппе Джини. Город был зимний, месяц как покончивший с новогодней круговертью и оттого совершенно пустой. Вдобавок бастовали таксисты, дополнительно замедляя и без того неторопливый ход местного времени. Я сидел на Сан Феличе под обелиском и читал флорентийские письма Элизабет. Из окон Casa Guidi свисали одеяла и простыни, как бы подтверждая муратовские слова о том, что во Флоренции простое никогда не может быть низменным. Муратов, кстати, вскользь упоминал поэму Элизабет Барретт в своих "Образях Италии". Ничего удивительного: Casa Guidi - жилой дом, и даже собственно квартира Браунинг, давно превращенная в музей, тем не менее сдается на протяжении нескольких месяцев в году.

На золоченой табличке у дверей значились имена жильцов с указаниями, куда кому звонить. Фамилии были такие: Вивальди, Боттичелли. К Боттичелли - это, к примеру, два звонка. "Вергилий живет на втором этаже, он поделится с ним подаяньем" - я никогда не думал, что давно забытая и столь забавлявшая меня в школьные годы строчка Гребенщикова когда-нибудь заиграет столь буквальными красками.

Вокруг Casa Guidi много антикварных лавок

"26 апреля 1859 года", Одоардо Боррани

